

Глобальные управленческие войны: генезис, специфика и значение

**Евгений Всеволодович
БАЛАЦКИЙ**

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) имени Е.М. Примакова РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: EVBalatsky@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

Аннотация. Для современной эпохи политической конфронтации второй половины XX и первой половины XXI века характерен переход к доктрине глобальных управленческих войн между враждующими государствами. Суть этой доктрины состоит в максимальном укреплении собственной системы управления и критическом ослаблении системы государственного управления противника, когда все звенья государственного организма перестают эффективно работать и справляться со своими задачами. Раскрыто значение управленческих войн на примере распада СССР, который произошел без прямого военного столкновения, но привел к утрате всех стратегических преимуществ у его преемника – Российской Федерации. Предложена структурная модель глобального доминирования, в которой власть зависит от жесткой, мягкой и умной силы; показано, что такое понимание представляет собой обобщение концепции мягкой силы Дж. Ная. Определена специфика управленческих войн, которая состоит в их тотальности, продолжительности и бескомпромиссности. Рассмотрены инструменты и алгоритмы современных управленческих войн: продвижение собственной идеологии; работа с местными элитами; синдром масок и конспирации в политических элитах; контроль над информационным пространством; цветные революции; прокси-войны; разрушение медицинского суверенитета. Раскрыта связь между управленческими войнами и управленческими циклами, под которыми подразумевается колебание уровня эффективности системы государственного управления как внутри одной страны, так и между странами. Рассматривается пять уровней социальных явлений:

Для цитирования: Балацкий Е.В. (2025). Глобальные управленческие войны: генезис, специфика и значение // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 3. С. 40–64. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.2

For citation: Balatsky E.V. (2025). Global governance wars: Genesis, specifics and significance. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 18(3), 40–64. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.2

мета-, мега-, макро-, мезо- и микроуровень — и обосновывается их двусторонняя иерархия, когда процессы более высокого уровня определяют вектор развития процессов более низкого уровня, а процессы более низкого уровня формируют механизмы реализации процессов более высокого уровня. Показано, что в современных условиях эта парадигма приобретает важное значение, препятствуя формированию искаженных когнитивных паттернов в отношении движущих сил развития государств.

Ключевые слова: управленческие войны, США, СССР, стратегия непрямых действий, гибридная война, мягкая сила, умная сила.

Введение

Возникновение к середине XX века ядерного оружия массового поражения возвело серьезный барьер для прямого военного столкновения государств, обладающих таким оружием, и породило изменение подходов к ведению геополитической конкуренции. Грубые методы военного устрашения стали служить информационным фоном в противостоянии государств-гигантов, тогда как сами методы борьбы стали более тонкими и изощренными. В связи с этим неудивительно, что вслед за Второй мировой войной последовала Третья мировая между СССР и США и их союзниками, получившая название холодной войны. С этого момента борьба между странами приняла форму столкновения их систем управления, что позволяет говорить о возникновении нового феномена во внешней политике, который можно классифицировать как управленческие войны.

Переход к информационным войнам ознаменовался созданием и колоссальным усилением различных специальных служб в государствах всего мира. Глобальная система шпионажа и политических диверсий, потока дезинформации и методов идеологического давления превратилась в норму цивилизации XX и XXI веков. При этом традиционная академическая наука: экономика, политология и социология — все это время старалась не замечать, что управленческие войны превратились не просто в значимый, но и в определяющий фактор развития всех государств мира. Сегодня, когда разворачивается очередной виток противостояния Запад/Не-Запад и США/Россия, это обстоятельство уже нельзя отрицать. В связи с этим назрела настоятельная задача рассмотреть генезис, особенности и значение управленческих войн, а также определить их влияние на современное социальное знание. Решение указанной задачи и составляет цель исследования.

Новизна авторского подхода заключается в систематизации известных фактов и их структурировании для последующего использования в политическом и политэкономическом анализе.

Управленческие войны: сущность и генезис

К середине XX века два государства-гиганта — США и СССР — имели ядерное оружие, что полностью трансформировало военные доктрины ведущих стран мира. Отталкиваясь от современных интерпретаций, можно говорить, что с 1949 года начинается третья мировая война гибридного типа, получившая название холодной (Balatsky, 2022). Сама специфика нового оружия, а затем и его количество сделали прямое военное столкновение супердержав бессмысленным: это вело либо к глобальной планетарной катастрофе, либо к непомерному ущербу от войны, что обесценивало победу. С этого момента стало ясно, что война должна вестись другими методами.

Новая доктрина войны по-прежнему подразумевала крушение и даже разрушение государства противника, но иными, непрямими методами воздействия. Акцент переносился с сугубо военного противостояния на экономику, технологии, идеологию и прочие факторы конкуренции. Эти звенья страны-соперника следовало максимально ослаблять, что и обеспечивало победу в новой войне. Такой подход знаменовал собой становление доктрины *управленческих войн*, суть которой состоит в критическом ослаблении системы государственного управления противника, когда все звенья государственного организма перестают эффективно работать и справляться со своими насущными задачами. В более широкой трактовке управленческая война — это повышение организованности собственного общества и дезорганизация общества противника. Так как действия некоего государства по ослаб-

лению системы управления противника переносятся на территорию другого государства, то управленческая война по своей сути становится *глобальной*; если же подобные действия со стороны двух стран-гигантов затрагивают множество государств (прежде всего государств-союзников), то глобальная управленческая война становится *мировой*. Переход к указанной доктрине означает перенос глобальной конкуренции в сферу управления – отныне на первое место выходила конкуренция между системами управления противоборствующих стран. Соответственно, в новом военно-стратегическом столкновении побеждает та страна, у которой система государственного управления работает лучше.

Нельзя не упомянуть тот факт, что холодная война началась с испытания Советским Союзом ядерной бомбы в 1949 году, а за год до этого в США вышла в свет знаковая книга Норберта Винера «Кибернетика», в которой провозглашалась новая универсальная наука – наука об управлении в технических, биологических и социальных системах (Винер, 1968). С этого момента все частные социальные и технические дисциплины оказались подчинены главной науке – науке об управлении. Неудивительно, что новый взгляд на мир и лежащая в его основе философия были поставлены во главу угла модернизированной геополитической доктрины США. Именно этот новый аналитический аппарат стал основой практики ведения управленческих войн.

Сущность управленческой войны состоит в *выведении из строя управленческой подсистемы государства-противника и, наоборот, в укреплении собственной подсистемы управления*. Главный императив управленческой войны крайне прост: максимально организовать себя (свое государство) и максимально дезорганизовать противника (его государство). Отныне материального разрушения хозяйства соперника не требовалось, достаточно было взять под контроль или нейтрализовать его центры принятия управленческих решений.

Новая доктрина, ставящая во главу угла ведение войны с помощью не прямых методов, в литературе получила название *стратегии непрямых действий* (Лукьянович, Сильвестров, 2023). В практическом отношении управленческие

войны начали оформляться в период имперского господства Великобритании, которое базировалось на торговле, обмане и хитростях (Лукьянович, Сильвестров, 2023). Потребность в таком искусстве была связана с необходимостью британского истеблишмента контролировать огромные территории за пределами границ метрополии. Во второй половине XX века США, которые начали превращаться в глобальную империю, довели практику управленческих войн до логического завершения. Философской основой нового подхода американской администрации стал древний трактат китайского мыслителя Сунь-цзы (Сунь-цзы, 1950). Непосредственным идеологом специальных операций США, в том числе осуществляемых ЦРУ, выступил Аллен Даллес, который обосновал принципы сопряжения методов контрразведки, психологической войны, обмана, безопасности и фальсификации (Лукьянович, Сильвестров, 2023).

Подчеркнем, что стратегия управленческих войн (СУВ) первоначально оформилась именно в США, но инициировалась их противостоянием Советскому Союзу. Последний, безусловно, также в той или иной степени использовал методы СУВ, но гораздо менее интенсивно и разнообразно. Иными словами, инициатива и преимущество в новых методах борьбы изначально были на стороне США.

Сегодня в широкий оборот входит понятие *гибридных войн*, под которыми понимается широкое сочетание экономического, политического и информационного воздействия на противника при условии, что открытого боевого столкновения противники стараются избежать или перенести его на территории других государств; при этом все подобные действия предполагают отказ от сложившихся юридических и этических норм (Худокормов, 2024). Имеется и расширенное определение гибридной войны как использования для победы в столкновении двух сторон всех доступных ресурсов: технических, финансовых, человеческих (Сивков, Соколов, 2023, с. 13). Однако оно не учитывает, что под гибридной войной следует понимать использование в столкновении двух сторон всех доступных ресурсов (технических, финансовых, человеческих), кроме средств ядерного поражения. Как уже было сказано ранее, по-

следний элемент делает бессмысленным саму войну, ибо масштабный ядерный конфликт не предполагает победителя. Тем не менее, сегодня гибридные войны в зависимости от наличия кинетического воздействия (физического насилия) подразделяются на некинетические и кинетические. К первым относятся информационные, психологические воздействия, торговые и кибервойны, ко вторым — «цветные революции» и участие в локальных военных конфликтах (Алаудинов, 2024а; Алаудинов, 2024б).

Важное свойство гибридной войны состоит в том, что она представляет собой *войну смыслов и нервов* и ставит своей целью оглушение национальных элит и расчеловечивание масс (Девятов, 2020, с. 83). Соответственно, задача *войны смыслов* состоит в разрушении культуры народа-противника — его традиционной картины мира, этических и эстетических координат, ценностей, веры и других элементов мировоззрения. Задача *войны нервов* заключается в том, чтобы добиться максимально быстрой и точной реакции своих сил на сигналы управления и, наоборот, затормозить реакцию противника за счет апатии или изматывающего деструктивно-го возбуждения (Девятов, 2020, с. 159).

Исходя из сказанного, можно констатировать, что стратегия не прямых действий, доктрина гибридных войн и концепция управленческих войн эквивалентны по своей сути, ибо во всех случаях «удары» противника встраиваются в национальную экономику и культуру, нарушая их исходный формат и направление эволюции государства. Вместе с тем понятие управленческих войн, на наш взгляд, является предпочтительным, ибо в более явном виде высвечивает главное звено столкновения (подсистему государственного управления) и методы геополитической конкуренции (невоенные). В этом случае управленческая война имеет два измерения — *внутреннее* и *внешнее*. Внутреннее измерение состоит в работе системы государственного управления внутри собственной страны в целях обеспечения ее беспрепятственного развития и устранения помех на этом пути, внешнее — в работе системы управления на территории противника в целях разрушить, нарушить или взять под контроль его систему государственного управления и воспрепятствовать развитию его страны.

Кроме того, следует подчеркнуть некоторые различия в используемых понятиях. Например, холодная война в узком смысле слова предполагает гонку вооружений со всеми вытекающими отсюда последствиями, что значительно уже понятия управленческой войны, предполагающей более широкий спектр противостояния. Гибридные войны, наоборот, делают акцент на нанесении ущерба противнику нестандартными методами, но упускают из внимания состояние собственной системы управления. Это лишний раз подтверждает большую универсальность понятия управленческих войн.

Наличие внутреннего и внешнего измерений феномена управленческих войн выводит на первое место *принцип согласованности* (Балацкий, 2021; Balatsky, Yurevich, 2022), который при реализации национальной политики экономического роста и развития требует согласованности в настройке технологических, институциональных и культурных факторов. В данном контексте его обобщение выглядит так: для общего успеха в геополитической борьбе важен успех во всех частных направлениях. Например, успех в идеологической сфере без материального подкрепления сам по себе ничего не решает; достижения во внешней сфере без их эквивалента во внутренней политике ничего не дают. Пример СССР демонстрирует, что противостояние на территории противника велось его руководством вполне удовлетворительно, однако накопленные ошибки во внутренней политике страны не позволили победить в холодной войне.

Вполне логично еще раз акцентировать вопрос о правомерности утверждения о том, что управленческие войны возникают только в XX веке, ведь столкновение систем государственного управления происходило и раньше. Дело в том, что до Второй мировой войны включительно все разведывательно-диверсионные действия государств уже существовали, но носили преимущественно *вспомогательный* характер, так как *главным* фактором победы в войне оставались сила вооружения и размер армии. После появления ядерного оружия произошла принципиальная рокировка в этом процессе: главным фактором победы стали масштабные разведывательно-диверсионные операции на территории противника, а военно-стратегиче-

ский арсенал превратился в средство сдерживания (устрашения) для нейтрализации прямого горячего столкновения враждующих сторон.

Значение управленческих войн

Концепция управленческих войн была успешно применена Соединенными Штатами Америки против СССР и параллельно стала стандартным подходом к выстраиванию отношений со всеми недружественными государствами. Именно противостояние США и СССР в холодной войне и ее итог позволяют уяснить значение управленческих войн. Для этого достаточно обратить внимание на данные *таблицы*, в которой приведены соотношения стран по ключевым показателям развития. Так, территориальный потенциал оценивается площадью территории страны, демографический – численностью ее населения, экономический – объемом ВВП, а технологический – объемом душевого ВВП; методология такого анализа раскрыта в (Balatsky, 2024).

Концепция измерения потенциала экономики и ее дееспособности посредством показателя ВВП повсеместно подвергается обоснованной критике, что выражается в серии работ на эту тему (Balassa, 1964; Kuznets, 1973; Stiglitz et al., 2009; Sapir, 2022). Однако лучшей альтернативы у нас пока нет, в связи с чем воспользуемся традиционными оценками ВВП по паритету покупательной способности. Учитывая условность межстрановых сравнений ВВП, к цифрам, приведенным в таблице, целесообразно относиться преимущественно как к порядковым оценкам.

Из таблицы видно, что к 1991 году Советский Союз имел стратегическое преимущество над США по территории и незначительный перевес в демографии; США, наоборот, имели стратегическое преимущество в технологической сфере и заметное, но не достигающее

стратегического, доминирование в экономике. Напомним, что стратегическим считается преимущество, когда сравнительный индекс больше двух (Balatsky, 2024). К настоящему времени Россия сохранила преимущество, не доходящее до стратегического, только по площади территории, а по всем остальным показателям Соединенные Штаты имеют стратегический перевес в свою пользу.

Для удобства можно усреднить страновые индексы (последняя строка таблицы), что дает вполне ожидаемый итог: если к моменту своего распада СССР по совокупному экономическому потенциалу обладал небольшим преимуществом по сравнению с США, то к настоящему времени Россия заметно уступает своему геополитическому сопернику. Тем самым в результате победы в холодной войне США добились принципиального реформатирования геополитического расклада сил и действительно сокрушили своего соперника.

Говоря о масштабе потерь СССР в результате холодной войны, можно констатировать, что он практически навсегда лишился всех своих преимуществ, особенно преимуществ, носящих стратегическое значение. Распад СССР привел к потере 30% его территории, а Россия оказалась существенно сдвинута на север. При этом оказались потеряны очень важные южные земли, где имела место благоприятная демографическая ситуация, а условия жизни были гораздо более предпочтительными, чем в северных районах страны. После распада Союза в России началась депопуляция населения. С 1991 по 2009 год Российская Федерация потеряла более 6 млн человек и до сих пор балансирует вокруг режима простого воспроизводства, не достигая отметки в 150 млн человек. Что касается США, то их население за период 1991–2021 гг. увеличилось на 80 млн человек, что абсолютно недо-

Относительные показатели потенциала России/СССР и США

Тип потенциала страны	СССР/США (1989–1990)	Россия/США (2020–2023)
Территориальный	2,28	1,74
Демографический	1,18	0,44
Экономический	0,51	0,17
Технологический	0,43	0,44
Среднее значение	1,1	0,7

Составлено по: (Balatsky, 2024).

сягаемо для России в обозримой перспективе. Относительно военно-стратегического фактора ситуация сложилась еще более трагично — Россия утратила свой плацдарм в странах Варшавского договора, а затем вывела базы и из других государств. США, наоборот, сегодня нарастили свое военно-стратегическое присутствие по всему миру, доведя число своих военных баз до 700 (Сакс, 2022); по альтернативным, но неофициальным оценкам число американских баз достигает 900–1000 единиц.

Таким образом, управленческая война 1949–1991 гг. для США оказалась победоносной и позволила им достигнуть своих стратегических целей — СССР и его преемник в лице России оказались выведены из разряда супердержав со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако самое главное, что показала Третья мировая (холодная) война, это то, что самого могущественного геополитического соперника удалось разгромить без единого выстрела, без вооруженного вторжения и, соответственно, без человеческих жертв и катастрофических материальных разрушений. Именно этот результат является окончательным и непререкаемым аргументом в пользу эффективности и целесообразности управленческих войн.

Однако указанными событиями достижения США в ходе холодной войны не исчерпываются. Расчленение Советского Союза на 15 стран было только первым шагом, вторым стало их превращение в неокOLONIAльные государства под контролем администрации США. Локализация американским истеблишментом ядерного потенциала СССР на территории России привела к автоматической военно-политической недееспособности остальных 14 государств. Однако, как показали последующие события, и ядерный щит Российской Федерации уже не смог обеспечить ей политический суверенитет — страна на 31 год, вплоть до 2022

года, оказалась в колониальной зависимости от США¹. Но и это еще не всё — в 2022 году стало ясно, что предыдущая война не закончилась, а ее логичным завершением должно стать дальнейшее расчленение России на «независимые» государства. Тем самым управленческие войны могут плавно перетекать друг в друга, незаметно для населения и даже для политических элит.

Нельзя не отметить того, что после Первой мировой войны коммунисты смогли пересобрать разрушенную Российскую империю в форме СССР, который после победы во Второй мировой войне удалось дополнительно расширить и укрепить. После поражения в Третьей мировой (холодной) войне такое воссоздание страны стало невозможным. Теперь перед Россией стоит менее амбициозная, но не менее сложная задача — сохранить свою государственность в условиях тотального давления Запада.

Сказанного выше вполне достаточно, чтобы проиллюстрировать значение феномена управленческих войн в глобальном мире XX и XXI веков. Текущие события свидетельствуют, что в дальнейшем роль этого вида столкновений будет только возрастать.

Мягкая сила как ядро управленческих войн

Не будет ошибкой утверждение, что одной из центральных концептуальных конструкций управленческих войн выступает так называемая «мягкая сила», теоретиком которой является Дж. Най. Под таковой Най понимал гегемонию английского языка, западную культуру и политическое лидерство США (Най, 2014). Хотя концепция Най с самого начала ее появления подверглась масштабной критике с акцентом на ее размытости и низкой верифицируемости, на ее основе рождались новые интерпретации и авторские теории². В связи с этим ниже попытаемся немного операционализировать концепцию «мягкой силы» применительно к управленческим войнам, стараясь сохранить ее содержательный конструктив.

¹ В последние годы одним из главных лейтмотивов официальных выступлений В.В. Путина является идея об обретении страной суверенитета. По его утверждению, «или страна является суверенной, или колонией»; такие объяснения фактически означают признание того факта, что до 2022 года Россия не имела полноценного политического суверенитета и находилась в неокOLONIAльной зависимости (См.: Адамович О. (2022). «Мы не хотим быть колонией»: Путин объяснил, на чем держится независимость России// Комсомольская правда. 09 июня. URL: <https://www.kp.ru/daily/27403/4600366>). Разумеется, Россия находилась скорее в режиме локальной, нежели тотальной неокOLONIAльной зависимости, что, однако, не меняет сущности поднимаемого вопроса.

² Агеева В.Д. (2016). Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет. 279 с.

Пытаясь структурировать и схематично отобразить взгляды Най, можно предложить следующую обобщенную формулу глобального доминирования государства:

$$\begin{aligned} \left(\begin{array}{c} \text{Глобальное} \\ \text{лидерство} \end{array} \right) &= \left(\begin{array}{c} \text{Военная} \\ \text{мощь} \end{array} \right) + \left(\begin{array}{c} \text{Экономическая} \\ \text{мощь} \end{array} \right) + \\ \left(\begin{array}{c} \text{Власть} \\ \text{Образ} \\ \text{страны} \end{array} \right) &+ \left(\begin{array}{c} \text{Сетевая} \\ \text{мощь} \end{array} \right) + \left(\begin{array}{c} \text{Жесткая сила} \\ \text{Координация} \\ \text{планов и действий} \end{array} \right) \quad (1) \\ \text{Мягкая сила} & \qquad \qquad \qquad \text{Умная сила} \end{aligned}$$

В этой формуле военная и экономическая мощь страны играют свою роль и по-прежнему должны максимизироваться для обеспечения стратегического равновесия, но помимо этого в дело вступает так называемая мягкая сила, под которой понимается позитивный имидж страны-лидера со всеми методами и способами демонстрации этого.

В литературе уже отмечалось, что разграничение между жесткой и мягкой силой является достаточно условным, а инструменты «мягкой силы» в случае чрезмерного форсирования могут переходить в разряд «жесткой силы» (Лебедева, 2017). Еще сам Най говорил, что помимо целевого формирования привлекательного образа страны-гегемона (собственно мягкая сила) имеется сложная система горизонтальных (сетевых) связей, которая простирается за пределы национальных государств (деятельность хакеров, СМИ, национальных диаспор, террористических организаций, офшоров, банков, спецслужб и т. п.). Этот фактор также стал важным элементом мягкой силы, а овладение им является отдельной и весьма сложной профессиональной компетенцией. Этот элемент включен в формулу (1) в качестве компонента мягкой силы, однако сетевая мощь страны тяготеет к превращению в жесткую силу и часто становится самостоятельным явлением для разворачивания «сетевых войн» (Sebrowski, Garstka, 1988); уже имеются оценки и выводы относительно практики проведенных сетевых операций, например, в Афганистане и Ираке (Арзуманян, 2008).

Как уже отмечалось, форсинг в отношении пропаганды собственной страны и ее преимуществ, усиленное продавливание тех или иных идей переводит мягкую силу в жесткую. В этом смысле, как справедливо говорил Дж. Най, мяг-

кая сила лишена этического наполнения, а потому может использоваться как во зло, так и во благо: «выкручивание мозгов отнюдь не лучше выкручивания рук» (Най, 2014, с. 148). Данное обстоятельство лишней раз подчеркивает боевой аспект методов мягкой силы и управленческих войн.

Здесь и далее способность мягкой силы плавно переходить в жесткую силу будем называть свойством амбивалентности мягкой силы. Учитывая, что жесткие действия вызывают сопротивление со стороны стран, в отношении которых они осуществляются, в научном дискурсе возникло дополнительное понятие — *умная сила*, под которой понимается умение тонко сочетать ресурсы и план действий в условиях распыления совокупного потенциала страны-гегемона и «подъема остальных» (Най, 2014, с. 338). Фактически здесь речь идет о способности истеблишмента отказываться от избыточных целей и задач в пользу по-настоящему важных и неотложных. С методологической точки зрения принцип умной силы является политологическим эквивалентом принципа согласованности, который требует эффективной координации и синхронизации управленческих усилий по всем направлениям. Например, грубые действия на поле мягкой силы даже при наличии мощного военного и экономического потенциала могут привести к тому, что страна начнет терять свой международный авторитет и влияние. Важность умной силы как элемента управленческих войн отражена в формуле (1).

Утрата Соединенными Штатами Америки своих привилегированных позиций и авторитета большинством экспертов напрямую связывается с провалом в использовании умной силы (Бжезинский, 2007), во многом — с конфликтом необходимости отказа государства-лидера от прежних амбиций и претензий и нежеланием политического истеблишмента идти на такие уступки.

Помимо всего прочего, формула (1) дает удобный инструмент для понимания и диагностики процесса угасания влияния крупных имперских образований. Например, в период позднего СССР идеологическая работа перестала давать положительные результаты из-за откровенных провалов в экономической сфере; успешная подрывная деятельность со стороны

агентов влияния США на территории Советского Союза стала эффективной благодаря уже имевшимся негативным настроениям местного населения. Даже военная мощь СССР сама по себе уже не могла предотвратить крушение позитивного образа государства, в связи с чем подрывная сетевая работа иностранных агентов получала поддержку даже в кругах политической элиты страны.

Специфика современных управленческих войн

Было бы наивно полагать, что управленческие войны возникли только в XX веке. В той или иной форме они велись всегда, но зрелость таких войн была недостаточной, чтобы выделять их в самостоятельный класс геополитических столкновений. Сегодня ситуация изменилась и управленческие войны превратились в комплексное и масштабное явление. Не претендуя на исчерпывающую характеристику таковых, рассмотрим их типичные особенности.

1. Тотальность. Управленческие войны по своей сущности являются тотальным противостоянием. В литературе уже отмечалось такое свойство ментальности американского истеблишмента и всей модели глобального доминирования США, как доктрина непримиримости, подразумевающая политическую бескомпромиссность по поддержанию культурной гомогенности и «зачистке» всех неугодных социальных элементов (Балацкий, 2024). Это означает *ведение войны любыми способами и отбрасывание каких-либо этических и правовых ограничений*. При этом само противостояние пронизывает все звенья социальной системы, даже те, которые могут казаться несущественными.

Следует отметить, что отбрасывание этических ограничений в управленческих войнах сопрягается с выработкой альтернативных этических установок, которые опровергают традиционные нормы. Причем при проведении политики глобального доминирования новые нормы становятся обязательными не только для страны-гегемона, но и для ее союзников.

Наверное, наиболее ярким и хрестоматийным примером рассмотренного принципа тотальности служит случай, произошедший 20 августа 2024 года в Гонконге, когда отставной генерал Тайваня Цан Юся (Tsang You-hsia) позволил себе тяжелое правонарушение — он встал и стоял по стойке смирно во время

исполнения государственного гимна КНР³. Данное действие является правонарушением в соответствии с законом, регулирующим отношения между населением Тайваня и материкового Китая, в связи с чем Министерство обороны Тайваня совместно с Советом по делам материкового Китая, Министерством внутренних дел и Министерством юстиции признало Цана виновным в нарушении статьи 9-3 закона. Согласно этой статье, высокопоставленные должностные лица и бывшие должностные лица, такие как генералы и заместители министров, не могут участвовать в каких-либо церемониях или мероприятиях, проводимых политическими партиями, военными, административными или политическими органами (учреждениями) или организациями материковой части страны, которые в свою очередь наносят ущерб национальному достоинству; поведение, наносящее ущерб национальному достоинству Тайваня, включает в себя отдание чести флагу или эмблемам, пение гимнов или любое другое подобное поведение, символизирующее политическую власть материкового Китая. В связи с этим Министерство обороны Тайваня приняло решение сократить пенсию отставного генерала на 75% в течение следующих пяти лет после того, как он был признан виновным; наказание за подобный проступок предполагает лишение пенсии на величину от 50 до 100%.

Приведенный пример со всей очевидностью демонстрирует ту внутреннюю сеть правовых и моральных норм, которые препятствуют признанию суверенитета страны-противника. Напомним, что Тайвань является стратегическим партнером США в регионе, чем во многом и обусловлены такие нормы. Именно внутренние нормы страны позволяют ей *консолидировать* свое население и побеждать в глобальных войнах. Более ранние примеры тотальности управленческих решений дают США раннего периода своего существования. Так, по последним данным, с 1600 по 1900 год колонисты истребили около 3 млн индейцев, а для лишения основ их существования они заодно уничтожили 60 млн бизонов, бродивших по континенту

³ См.: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2024/10/16/2003825371>

до приезда колонистов. Столь же систематично были уничтожены квакеры — белые представители так называемого Религиозного общества друзей. Их вешали под оглушительный грохот барабанов, дабы не дать возможности присутствующим услышать последние слова осужденных, пытающихся изложить смысл своего учения. Параллельно с коренными народами уничтожению подвергались и европейские конкуренты — голландские и шведские колонисты. Во время Второй мировой войны была осуществлена не только ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, но еще до этого 110 тыс. граждан США японского происхождения были отправлены в концентрационные лагеря внутри страны⁴.

Конфликт между Россией и Украиной привел к тому, что в последней русский язык оказался под запретом, равно как и русская культура во всех своих проявлениях. Этот шаг также является типичным для управленческих войн — в противном случае нация будет слишком «рыхлой», т. е. не до конца консолидированной для противостояния внешнему врагу.

Таким образом, победа в управленческой войне обеспечивается повсеместно — абсолютно на всех участках социальной системы за счет тотальной консолидации внутренних сил.

Сам факт отбрасывания этических и правовых норм в рамках управленческих войн уже получил в литературе определенное теоретическое осмысление, которое может быть обобщено с помощью работ Н. Талеба и Ф. Фукуямы. Так, Талеб обосновал тезис о локальности этики, а Фукуяма — о локальности доверия. Это приводит к введению в рассмотрение понятия *радиуса этики (доверия)*. Общее идеологическое обоснование отрицания этики и права в управленческих войнах сводится к двум последовательно применяемым тезисам. Первый — *примат этики перед законом*, согласно которому «этические принципы всегда более стойки, чем юридические... со временем законы должны приближаться к этике, и никогда наоборот... закон приходит и уходит, этика остается» (Талеб, 2018, с. 90). Тем самым этическое оправдание тех или иных неприглядных действий автома-

тически обеспечивает их легитимность. Второй тезис — *локальность феномена этики*, согласно которому «этика — явление по сути своей локальное» (Талеб, 2018, с. 98). Человек берет на себя некие этические обязательства по отношению к другим людям только в том случае, если он себя и этих людей идентифицирует как представителей одной социальной группы; в противном случае этические нормы теряют смысл. Данный принцип предполагает деление человечества на *своих* и *чужих*; тогда по отношению к своим применяются этические нормы, а по отношению к чужим — не применяются. В качестве чужих могут рассматриваться другие народы, животные, политические враги, соседи и т. п. — в зависимости от контекста. Типичный пример тому — японцы и немцы, для которых характерна высокая культура сотрудничества и взаимопомощи в рамках своих наций на фоне удивительной жестокости во время Второй мировой войны по отношению к другим народам. Причина, по Фукуяме, проста: немцы и японцы не воспринимают чужие народы в качестве равных себе людей, следовательно, по отношению к ним не применимы те же этические принципы, что для своих соотечественников (Фукуяма, 2006). В условиях острого политического противостояния государств феномен локальности этики проявляется особенно ярко.

2. Длительность. Ранее этот вопрос уже поднимался в (Balatsky, 2022). Так, если Первая и Вторая мировые войны длились 4 и 6 лет соответственно, то третья (холодная) — 42 года (1949—1991). Столь долгий срок детерминируется самой природой управленческих войн. Это всегда сложная позиционная борьба за будущее с долгосрочными целями, каскадами успехов и неудач. Лишь через длительное время накопленные удачи и ошибки окончательно склоняют чашу весов в ту или иную сторону, когда система государственного управления противника достигает критической черты неэффективности. Можно сказать, что управленческие войны — это современные войны на *истощение ресурсов* врага. Для их ведения создается множество специальных официальных и неофициальных организаций, направленных на дезорганизацию системы управления противника. Преимущество в ведении подобных войн находится на стороне стран-лидеров, которые уже имеют для этого готовую разветвленную меж-

⁴ Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность (2023). Москва: Содружество культур. 588 с.

дународную сеть своих представительств и обладают многолетним опытом ведения соответствующих операций.

В настоящее время развернулась Четвертая мировая война между Россией и США, которая стартовала в 2014 году, а в горячую фазу перешла в 2022 году (Balatsky, 2022). При этом сам ход специальной военной операции (СВО) на Украине указывает на ее долгосрочный характер. Например, только на третьем году военного столкновения Украина перевела активные военные действия на территорию России, что показало, во-первых, непредсказуемость хода боевых действий и болезненно отразилось на населении атакованных регионов, во-вторых, нанесло имиджевый урон Российской Федерации и способствовало стратегическому подрыву экономического положения приграничных регионов России — Брянской, Белгородской, Курской и других областей. Такие решения имеют принципиально долгосрочный характер и призваны вызвать системное недовольство населения России самим фактом военного противостояния. При этом для Запада стал неприятным сюрпризом успех России, с которым она справлялась на протяжении трех лет с последствиями международных санкций. Однако никто и не рассчитывал, что вопрос будет окончательно решен в течение 2–3 лет. Например, в России 11 регионов граничат с недружественными странами и ранее считались благоприятными для проживания, однако вследствие геополитической нестабильности они начинают терять свою привлекательность (Kazantsev, 2024). Подобные процессы не просто подрывают мощь страны, но и вызывают деструктивные движения ресурсов внутри нее; окончательный итог развернувшейся управленческой войны отодвигается, по крайней мере, на конец второго десятилетия войны после ее начала — к 2032 году.

3. Бескомпромиссность. Хотя управленческие войны используют тонкие и даже деликатные инструменты, их действие отличается крайней жесткостью, что свойственно всем войнам. Приведенные выше примеры уже отчасти продемонстрировали бескомпромиссность возникающих противостояний, однако помимо всего прочего таковая проявляется в следующем принципе: *в мирное время логика капитала (экономическая выгода) выше любой другой логики и даже всех человеческих ценностей; в условиях*

войны логика уничтожения противника (военная выгода) становится выше экономической логики.

Проявления этого принципа весьма многообразны. Например, торговые (тарифные) войны между США и Китаем наносят экономический ущерб самим США, но он отходит на задний план, ибо на первом месте стоит недопущение господства противника. Огромные издержки стран Европы из-за разрыва поставок дешевых энергоресурсов из России также считаются приемлемыми, ибо главная задача в начавшейся войне состоит в ослаблении российской системы государственного управления. Более того, США готовы вести управленческую войну с Россией на Украине «до последнего украинца»⁵. В отношении же Германии США не только допускают банкротство ее промышленного сектора из-за отсутствия дешевых энергоресурсов, но и способствуют перемещению немецких предприятий на свою территорию. Примечательно, что Германия, будучи сателлитом США, полностью принимает эту позицию. Главное правило крайне простое: *в жертву приносится абсолютно всё, что мешает победить в геополитическом противостоянии*, в том числе благополучие стран-союзников. По этой же причине внутреннее социальное пространство страны безжалостно «зачищается» от любых враждебных элементов.

Помимо всего прочего, бескомпромиссность управленческих войн, как уже говорилось, предполагает отбрасывание *моральных и правовых норм*. Этот принцип был спроецирован в сферу управления непосредственно из деятельности тайных служб. По этому поводу Герд Бухгайт справедливо утверждал следующее: «Можно спорить, существуют ли в сфере секретных служб обязывающая профессиональная мораль или какие-то международные договорные принципы. На практике же все сводится к довольно широкому набору весьма произвольных «правил игры» — как корректных, так и беззастенчивых — и различных путей выполнения задач — как прямых, так и окольных. И по каким рельсам движется та или иная секретная служба, в значительной мере зависит от того человека, который ею руководит» (Бухгайт, 2024). Сказанное позволяет вполне обо-

⁵ См.: <https://www.rbc.ru/politics/22/06/2023/649435b69a7947f12d69326b?ysclid=m2j0w60w9924983719>

снованно утверждать, что сущность и идеология управленческих войн сложились в тайных службах, а затем были постепенно перенесены на всю систему государственного управления.

Инструменты и алгоритмы современных управленческих войн

Главным лейтмотивом управленческих войн является борьба за умы людей. Это и понятно — как только ум сдался, то и тело уже не может сопротивляться. В связи с этим набор методов управленческих войн обусловлен необходимостью взятия под контроль сознания элит и масс противника. На протяжении последнего столетия эти методы откристаллизовывались и совершенствовались. Рассмотрим вкратце некоторые из них.

1. Продвижение собственной идеологии. Неотъемлемым элементом управленческих войн является *идеологическая борьба*, когда идеология победителя замещает идеологию проигравшего. Для понимания сущности рассматриваемого явления воспользуемся следующим определением: «Идеология — это система представлений о мире и ценностно-смысловых установок, доминирующая в определенном сообществе, активизирующая и направляющая жизнедеятельность его членов» (Волконский, 2024, с. 44). Враждебная идеология должна проникнуть не только в местную элиту, но и в широкие слои населения. Психологический смысл этого ясен: если ты разделяешь идеологию своего врага, то он уже и не враг тебе. Тем самым замена идеологии устраняет внутреннее сопротивление населения и элит государства-противника. Причем сама замена происходит ступенчатым образом: сначала побеждает интеллектуально формализованная идеология как некий идейный стержень или ядро нового мировоззрения, а потом замещается и вся глубинная идеология, вбирающая в себя культурные коды и традиции (Волконский, 2024). При такой идеологической инверсии прежняя нация перестает существовать.

Распространение собственной идеологии на территорию противника направлено на создание идеологически (ментально) гомогенного пространства, которое не способно сгенерировать саму идею противостояния и войны. Примером такого хода событий является Конституция России, навязанная ей Соединенными Штатами после победы над СССР. В п. 1 ст. 13 этого документа до сих пор закреплено требо-

вание: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие»⁶. Фактически это означает отсутствие официальной государственной идеологии, что является социальным нонсенсом. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, «идеология всегда есть, только качество ее может быть разным — от передового... до деградирующего» (Шеховцов, 2024, с. 32). Как известно, у физиков есть поговорка: природа не любит пустоты. У экономистов есть ее аналог: общество не живет в идеологическом вакууме. Как только образуются идеологические пустоты, они сразу заполняются сторонними и, как правило, враждебными идеологиями. Разумеется, у страны, выступающей в роли гегемона или хотя бы технологического лидера, имеются серьезные козыри для продвижения своей идеологии в стане противника, ибо бытовая логика оказывается на его стороне: где лучше жить, там и идеология правильнее. Смысл же подмены идеологии состоит в том, что в этом случае массы и элиты лишаются социальной активности, а свою энергию направляют в сторону, противоречащую интересам их собственной страны.

В настоящий момент Президент РФ придерживается нормы п. 1 ст. 13 Конституции. По его мнению, у Советского Союза была господствующая идеология, но ее наличие не уберегло государство от развала⁷. Однако ошибка такого суждения состоит в том, что наличие идеологии в условиях управленческой войны является необходимым, но не достаточным условием победы. Пропагандистские лозунги и призывы к лучшей жизни не могут обеспечить победу в войне, если не подкрепляются экономическими и технологическими достижениями. Однако отсюда не следует, что в условиях геополитического противостояния страна может выстоять без прочной идеологической базы. Наличие множества идеологий провоцирует и одновременно с тем легитимирует их борьбу, а таковая способна привести к дезавуированию истории и культуры страны, что и было сделано в России после 1991 года. Борьба идеологий тесно переплетается с современными возможностями дезинформации.

⁶ Эта и последующие ссылки на Конституцию РФ см в: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution>

⁷ См.: <https://www.rbc.ru/politics/07/06/2024/6663275c9a79472d5adec23d>

Следует заметить, что государственная идеология не сводится к идеологическому дискурсу государства, а определяет его. Например, наличие/отсутствие права государственного служащего иметь недвижимость и денежные счета за рубежом сегодня в России определено оперативно, но конституционно не закреплено. Долгое время данное право в России не ограничивалось, а с определенного момента было ликвидировано. Однако в кодексе государственной идеологии эта норма не отражена, что создает институциональную неопределенность. Таких примеров можно привести множество, чем и обусловлена необходимость в манифестации базовых ценностей на уровне государственной идеологии. «Выпадение» подобных институциональных норм из конституции создает почву для двойных стандартов и размывания эффективности системы государственного управления.

2. Работа с местными элитами. Главная задача управленческой войны – овладение управленческой системой страны-противника. Это напрямую достигается путем формирования на территории противника местных элит, лояльных и подконтрольных собственной политической элите. Арсенал средств достижения этой цели достаточно широк – вербовка, перевербовка, подкуп, идеологическая и образовательная подготовка нынешних и будущих представителей власти на основе собственных интересов и идеологием. Стратегически данная задача вырождается в задачу превращения местных элит в наднациональные элиты, которые уже не связаны со стратегическими интересами своей страны и ее населения. Через компрадорские элиты блокируются все прогрессивные начинания и проекты. Например, в России назначение А. Чубайса на пост главы государственной корпорации «Роснано» фактически заморозило создание в стране собственного современного производства микрочипов. Похожие процессы имели место в гражданском авиастроении; в фармацевтической индустрии к 2023 году отечественный государственный сектор обеспечивал только 2,4% продукции отрасли, а в отечественном производстве фармацевтических субстанций доля импортных компонентов составляла порядка 80% (Индия, Китай, европейские страны) (Гусев, Юревич, 2023).

Блокировка местными элитами создания высокотехнологичных производств имеет далеко идущие последствия. Отсутствие таких производств делает невостребованной отечественную передовую науку, а это в свою очередь делает бессмысленной подготовку высококвалифицированных кадров. Иногда отсутствие спроса со стороны властей на высокие технологии может быть «пробито» так называемым законом Ж.-Б. Сэя, в соответствии с которым предложение порождает свой собственный спрос. Однако именно контроль фактора предложения со стороны компрадорских элит препятствует действию закона Сэя и консервирует ситуацию.

Примечательно, что в XX веке США разработали и применяли трехшаговый алгоритм создания марионеточных правительств.

На первом этапе в страну, которую необходимо вовлечь в орбиту влияния США, засылаются консультационные фирмы. Их сотрудники выходят на высокопоставленных чиновников страны с целью убедить их взять кредит у международных банков для развития национальной экономики с таким расчетом, чтобы страна впоследствии не смогла его вернуть. Экономические консультанты, или так называемые *экономические убийцы*, осуществляли информационную обработку местных элит посредством предоставления им заведомо ложных данных и завышенных прогнозов развития экономики на основе самых передовых методов и моделей. Если удавалось загнать страну в долговую ловушку, то она попадала в экономическую и политическую зависимость и оказывалась встроена в имперский круг американских корпораций. Примером успешной работы экономических убийц служит Саудовская Аравия середины 1970-х годов, купившая на свои нефtedоллары государственные облигации американского правительства и обязавшаяся проценты с этих бумаг реинвестировать на оплату услуг американских строительных компаний (Перкинс, 2005).

Если деятельность экономических убийц не давала требуемого результата, как например, в Панаме и Эквадоре, то начинался *второй этап*, суть которого состоит либо в провоцировании местных сил оппозиции на революции и политические перевороты с целью инкорпорирования марионеточного правительства, либо в ак-

тивизации специальных агентов ЦРУ, они же «шакалы», для физического устранения неудобных США политических деятелей. Примером успешной работы «шакалов» служат убийства в 1981 году президента Эквадора Хайме Ролдоса, отстаивавшего «опасный» для США закон об углеводородах, и президента Панамы Омара Торрихоса, отказавшегося пересмотреть невыгодное для США соглашение по поводу Панамского канала (Перкинс, 2005).

Если же деятельность «шакалов» заканчивалась неудачей, как это было в Венесуэле и Ираке, то запускался *третий этап*, состоящий в вооруженном вторжении армии США на территорию недружественной страны со всеми вытекающими отсюда последствиями. Классическим примером успешной операции такого рода является война в Ираке 2003 г.; хрестоматийным примером провала военной интервенции США служит Вьетнам (Перкинс, 2005).

Модель трехэтапного подчинения Соединенными Штатами Америки недружественных стран и их правительств в литературе получила название *глобальных институциональных ловушек*, ибо попавшие в них страны функционируют крайне неэффективно, но выйти из подобного режима им оказывается крайне сложно (Балацкий, 2006).

3. Синдром масок и конспирации в политических элитах. Углублением работы страны-гегемона с элитами несuverенных государств стал получивший распространение в XXI веке *синдром масок* в политических кругах. Постепенно крупные самостоятельные политики-мыслители и стратеги ушли со сцены и в настоящее время в качестве лидеров государств фигурируют все более гротескные фигуры. Высшие должностные лица стран Европы получают инструкции из США, им диктуют те или иные решения, все менее понятным становится, кто выступает в роли закулисных советников и чьи интересы лежат в основе принимаемых решений. За примерами ходить далеко не нужно. Так, министр иностранных дел Литвы Габриэлюс Ландсбергис на форуме «Ялтинская европейская стратегия» 2024 года призвал Запад начать войну

с Российской Федерацией⁸, а командующий силами НАТО в Литве датский полковник Петер Нильсен также призвал общество готовиться к войне с Россией⁹. Такими безответственными заявлениями заполнены все западные СМИ.

Параллельно пандемия политических масок охватила сами США — их экс-президент Джоозеф Байден почти каждый день пополнял коллекцию нелепых высказываний и действий. Тем самым ясность в понимании того, кто же несет генеральную ответственность за проводимую политику и принимаемые решения, исчезла окончательно. Это означает, что субъект управления национальных государств размывается, следовательно, сама система государственного управления все больше конспирируется, теряет активность и становится менее эффективной, а сам процесс управления сворачивается и заменяется на некие имитационные действия. С одной стороны, благодаря такой политике США обрели небывалую власть над странами, находящимися под их патронажем, с другой — мировая политическая система теряет всем понятные сдержки и противовесы, открывая тем самым путь к закулисным действиям и сопутствующим им роковым ошибкам.

Синдром масок и конспирации в политических элитах в XX веке поддерживался процессом дробления стран. В связи с этим достаточно напомнить, что перед Второй мировой войной в мире насчитывалось около 50 государств, а сейчас (вместе с непризнанными) — более 250 (Лукиянович, Сильвестров, 2023). После распада СССР вместо него образовалось 15 псевдосуверенных государств; чуть позже от Грузии отделились Абхазия и Южная Осетия, а Приднестровье уже долгие годы находится в стадии отделения от Молдавии (равно как Косово пытается добиться независимости от Сербии). Таких примеров можно привести множество. Смысл таких дроблений прост: чем меньше страна, тем меньше ее политические амбиции, в том числе на собственный политический суверенитет.

⁸ См.: <https://mosregtoday.ru/news/power/litva-ofitsialno-prizvala-zapad-nachat-vojnu-s-rossiej>

⁹ См.: <https://www.ritmeurasia.ru/news--2023-11-12--rashrbrilsja-komandujuschij-silami-nato-v-litve-prizyvaet-gotovitsja-k-vojne-s-rossiej-69801>

4. Контроль над информационным пространством. Информационное пространство уже в XX веке превратилось в арену политических столкновений. Достаточно напомнить, что еще в 1929 году было запущено вещавшее за рубежом «Московское радио», тогда как радиостанция «Голос Америки» появилась лишь через 12 лет (Худокормов, 2024). Однако после Второй мировой войны американские стратеги разработали долгосрочные программы культурного и интеллектуального воздействия на элиты других стран. Основным инструментом культурного фронта холодной войны стал Конгресс за свободу культуры (Congress for Cultural Freedom) с отделениями в 35 государствах, десятками изданий и программ. Многочисленные издания, симпозиумы, выставки, концерты и программы Конгресса должны были убедить европейцев, что «Америка и американцы достигли полного триумфа во всех сферах человеческого духа, общих и Старому, и Новому Свету» (Сондерс, 2020, с. 4). Для сокрытия финансирования и участия в подобной деятельности ЦРУ создало разветвленную систему фондов, служивших каналами для проведения средств. Эта система позволяла ЦРУ финансировать неограниченное количество тайных программ в отношении молодежных групп, профсоюзов, университетов, издательских домов и других организаций с начала 1950-х годов. Масштаб этой деятельности во всех отношениях является впечатляющим (Сондерс, 2020). Учитывая, что указанная пропаганда с элементами дезинформации велась более 70 лет, неудивительно, что США сегодня имеют солидную поддержку по всему миру.

Однако в XXI веке масштаб информационных войн достиг своего апогея. В последние десятилетия США овладели новым инструментом рынка информации – конструированием и распространением нарративов, содержащих намеренные искажения или даже откровенную ложь. Такие сигналы могут принимать форму фейковых новостей, недостоверных экспертных мнений, устаревших когнитивных протоколов и т. д. Более того, существуют исследования, подтверждающие, что недостоверные нарративы распространяются значительно быстрее и шире, чем достоверные (Вольчик, 2023). Проблема состоит в том, что ложные нарративы, почти мгновенно захватывая огромные мас-

сы людей, формируют искаженную или в корне неверную картину мира. Будучи лидером мирового рынка информации, США уже давно стали лидером в производстве фейковых новостей и нарративов. Более того, эта практика успешно автоматизируется, создавая эффект «невидимых манипуляций» в глобальной информационной среде. Так, по имеющимся данным, только в 2017 году боты генерировали более 50% всего глобального интернет-трафика (Лукьянович, Сильвестров, 2023). В такой ситуации у государства-гегемона возникает возможность формировать предвзятое мнение относительно любого участника геополитического пространства. Так создается весьма субъективная «ось зла» из стран, недружественных США; в этом ключе сегодня демонизируются Россия, Иран и Северная Корея.

Разумеется, отнюдь не всегда информационные диверсии США оказываются успешными. Так, попытки Вашингтона обвинить руководство Сирии в применении химического оружия, имевшие место с 2013 по 2018 год, оказались безуспешными из-за активного противодействия России. Тем самым успехи и неудачи на этом поле отражают бдительность систем управления участников мирового геополитического пространства.

5. Цветные революции. Углубление работы с элитами получило логическое завершение в так называемых *цветных революциях*. Суть концепции, идеологом которой считается Джин Шарп, состоит в организации подрывных действий в потенциально враждебном государстве при помощи большого числа «мелких ненасильственных» актов гражданского неповиновения, результатом которых должны стать разрушение существующей системы власти и смена политического режима (Лукьянович, Сильвестров, 2023).

Выше рассмотрен трехшаговый алгоритм создания марионеточных правительств, где вторым шагом было свержение местного режима путем физического устранения независимых политических лидеров враждебной страны. Однако концепция цветной революции позволила пойти на втором этапе по альтернативному пути – организации протестов снизу для свержения действующей власти и замены ее на марионеточный кабинет правительства. В этом направлении целенаправленно создава-

лись финансовые кризисы в недружественных США государствах – Аргентине (1982 и 2001 гг.), Мексике (1992 г.), России (1998 г.) и др. В этом же русле в 1972 году в Вашингтоне была разработана доктрина финансовой диверсии, или «доктрина шока», представляющая собой определенный алгоритм действий по разрушению политического, социального и экономического строя страны. Впервые США ее реализовали в Чили после военного переворота под руководством ЦРУ в сентябре 1973 году (Лукиянович, Сильвестров, 2023). В дальнейшем свержение действующей власти методом цветной революции было эффективно реализовано американскими спецслужбами в ряде стран: ГДР, Венгрии и Румынии (1989 г.), Грузии (1995 г.), Сербии (2000 г.), Украине (2004 и 2014 гг.), Киргизии (2005 и 2010 гг.). Иногда такие попытки оказывались неудачными: в Китае и Грузии (1989 г.), Монголии и Армении (2008 г.), Молдавии (2009 г.), Белоруссии (2006 и 2020 гг.) и России. Однако эти неудачи американским истеблишментом воспринимаются как временные и не влияют на его готовность использовать инструмент цветных революций и дальше.

Представление о последовательности реализации цветных революций дают события в Югославии (Сербии). Сначала, в начале 1990-х годов, на страну были наложены обширные экономические санкции, которые привели к падению уровня жизни в ней, но не подорвали рейтинг С. Милошевича. На этом фоне началась работа с оппозицией, вербовка политической и силовой элиты. По имеющимся сведениям, только за предшествующий выборам в Югославии 2000 год оппозиционные партии получили 35 млн долл., оппозиционные СМИ – 6 млн долл. от Евросоюза и 9 млн от Германии (Худокормов, 2024). В связи с тем, что у оппозиции отсутствовал единый кандидат, которого можно было бы противопоставить С. Милошевичу, было проведено дорогостоящее исследование общественного мнения по заказу американского Национального демократического института по международным делам; результаты исследования позволили выявить неизвестного широкой публике лидера небольшой партии В. Коштуницу. С 1999 года началась подрывная работа с молодежными организациями. Так, движение «Отпор» («Сопротивле-

ние»), напомиравшее еще в 1998 году кружок по интересам, в следующем году получило финансирование и поддержку из США; в итоге к 2000 году организация уже насчитывала 130 региональных отделений и 70 тыс. членов (Худокормов, 2024). Все это и организованная акция государственного переворота на выборах привели к падению режима С. Милошевича. Таким образом, за несколько лет зарубежным кураторам из США удалось объединить разрозненную оппозицию, настроить пассионарную молодежь против власти, парализовать силовой блок государства, сместить действующую власть и создать марионеточное правительство.

В 2025 году приход к власти в США администрации Дональда Трампа спровоцировал политический скандал с Агентством по международному развитию (United States Agency for International Development – USAID), судьба которого оказалась под вопросом. Фактически это означало признание администрацией США нелегитимности данной организации и раскрытие ее тайн, которая, продвигая по всему миру американские ценности, вела не столько гуманитарную, сколько подрывную политическую деятельность, напрямую вмешиваясь во внутренние дела других государств. Будучи независимым агентством, USAID не входило в структуру министерств и Государственного департамента США, но успешно занималось распределением порядка 40 млрд долл. в год на различные политические программы в форме безвозвратных грантов, технических средств, товаров и услуг; агентство владело сетью из около 100 региональных миссий. USAID стало кульминацией в формировании институционального инструмента мягкой силы США за пределами страны. На протяжении всего своего существования USAID плотно сотрудничало с ЦРУ, а применительно к России оно финансировало работу экспертов, участвовавших в разработке Конституции, Гражданского, Налогового и Земельного кодексов страны, реформы судебной системы, организации программ обмена опытом для чиновников и др.¹⁰

¹⁰ См.: В США закрывается агентство иностранной помощи USAID. Что нужно знать // Известия. 2025. 4 февраля. URL: <https://iz.ru/1833382/2025-02-04/v-sshazakryvaetsia-agentstvo-inostranoi-pomoshchi-usaid-chtounzhno-znat>

6. Прокси-войны. Как уже указывалось ранее, третьим шагом трехшагового алгоритма создания марионеточных правительств является военное вторжение во враждебную страну. Как правило, сами государства, подвергающиеся такой агрессии со стороны США, не квалифицировались как первичные враги гегемона; они, скорее, воспринимались в качестве инфраструктуры главного соперника. Таким образом, развязывается *прокси-война* на территории третьих стран, тогда как главными сторонами конфликта выступают, как правило, две супердержавы, прямое столкновение между которыми считается невозможным. Так, уже в XX веке территориями прокси-войн между США и СССР стали Корея, Вьетнам и Афганистан. После 1991 года, когда мир из двухполярного превратился в моноцентричный, прокси-войны стали более обыденным явлением, когда страна-гегемон могла по своему желанию «наводить порядок» на недружественной территории. Под такие кампании попали Ливия, Ирак и Сирия. Возврат к классической прокси-войне произошел в 2022 году при столкновении России и США на территории Украины¹¹.

Особенность столкновения на Украине состоит в том, что зона боевых действий непосредственно граничит с территорией России, в связи с чем они постоянно переходят на территорию главного участника конфликта. США в этой прокси-войне имеют громадное преимущество в силу удаленности от зоны боевых действий. При этом сама прокси-война на Украине началась после многих лет идеологической и организационной обработки ее элит и населения против России, фактически став третьим этапом алгоритма создания марионеточных правительств, реализовавшимся после полного завершения первых двух этапов.

Характер ведения прокси-войн также опирается на длительную и очень серьезную подготовку в рамках первых двух этапов указанного

¹¹ Период «чистого» моноцентризма во главе с США закончился примерно в 2014 году, после чего началась фаза геополитической турбулентности с характерным для нее ослаблением позиции гегемона и выходом на политическую сцену новых глобальных игроков: Китая, Индии, России, Ирана и др. — с выраженными собственными интересами. Однако и в этот период США продолжали играть роль дирижера геополитической симфонии с многими оркестрантами.

алгоритма. Например, одним из инструментов США в Ираке стал подкуп генералов республиканской гвардии, приказавших своим подчиненным прекратить сопротивление. При этом взятки иракским высокопоставленным военным были переданы еще до начала боевых действий. Такая политика позволила США и их союзникам достичь победы с минимальными потерями, хотя иракская армия по многим параметрам имела превосходство (Лукиянович, Сильвестров, 2023).

Следует отметить, что современные прокси-войны являются по-настоящему тонким инструментом. Например, до сих пор нет четких разграничений между прокси-войной и тайными операциями, которые осуществляет внешняя сторона, не втягиваясь в войну напрямую (Чанышева, 2023). Кроме того, прокси-войны идут на фоне информационных войн, в процессе которых формируются различные нарративы, задающие разные позиции воюющих сторон. Например, в американском дискурсе меганарратив в отношении прокси-войн определяется двумя полярными парами: *war of choice / war of necessity* (война по выбору / война по необходимости); *just war / unjust war* (война справедливая / война несправедливая) (Чанышева, 2023). В этой градации война США против Ирака представляет собой справедливую войну по необходимости, поскольку она защищала американцев, их союзников и интересы страны. СВО России на Украине, наоборот, изображается как война по выбору, неоправданная и несправедливая, в связи с чем ответственность за нее возлагается на Россию (Чанышева, 2023).

7. Разрушение медицинского суверенитета. Начало XXI века обозначило новую грань управленческих войн — лишение противоборствующей страны медицинского суверенитета, под которым понимается проблема зависимости национальных элитных групп от зарубежной медицины (Гусев, Худокормов, 2024). Известно множество случаев оказания медицинской помощи зарубежным государственным лидерам за пределами их стран за период 2010–2022 гг. Более того, применительно к России выявлены истории медицинского давления на представителей политической элиты, показывающие персональную уязвимость людей, попавших в зависимость от зарубеж-

ных лекарственных препаратов и терапии. Это относится к федеральным политикам, руководителям субъектов Российской Федерации, крупным бизнесменам, известным артистам и профессиональным спортсменам¹².

В данном случае наблюдается работа спецслужб США по перекрытию такого чувствительного канала, как медицинская помощь, просматривается проведение в жизнь доктрины непримиримости, подразумевающей отбрасывание этических и правовых ограничений.

В рамках этого направления происходят и «внешние вливания» неблагополучия в сфере здоровья нации. Типичным примером таких действий могут служить новые опиумные войны между Китаем и США. Так, власти США обвиняют Пекин в прямом субсидировании производства и экспорта синтетического опиата фентанила и других запрещенных препаратов, спровоцировавших новую волну опиоидного кризиса в Соединенных Штатах. Вашингтон утверждает, что именно Китай стал ведущим поставщиком прекурсоров — веществ, необходимых для производства фентанила; китайские власти поддерживают свои химические компании для производства нового опиоида и его поставки мексиканским наркокартелям. Таким образом, Китай стабилизирует свою доходную базу и наносит ущерб геополитическому сопернику — США. Означенный ущерб весьма ощутим: из-за отравления фентанилом, который в 50 раз сильнее героина и в 100 раз — морфия, в США ежедневно погибает 200 граждан, что эквивалентно ежедневному крушению пассажирского Boeing-737; в 2019 году смертность в результате передозировки фентанилом в США обогнала летальность ДТП, в последнее время

¹² Наиболее известен случай с государственным деятелем России, бывшим премьер-министром страны Е.М. Примаковым, страдавшим раком печени и в 2014 году перенесшим операцию в Милане. Впоследствии выяснилось, что спецслужбы США создавали препятствия в покупке на американской территории лекарственного препарата, необходимого Е.М. Примакову; в итоге доставить необходимое лекарство из США в Россию удалось с опозданием (Гусев, Худокормов, 2024). Об этом сообщила представитель МИД России М.В. Захарова: Лекарство для Примакова изъяли американские спецслужбы // Уралинформбюро. 16.01.2017. URL: <https://www.uralinform.ru/news/politics/266180-lekarstvo-dlyaprimakova-izyali-amerikanskie-specslujby> (дата обращения 24.07.2024).

это стало самой частой причиной смерти американцев в возрасте от 18 до 45 лет¹³. К сказанному следует добавить, что для Китая никакой этической дилеммы не возникает — это его геополитический ответ на участие дельцов из США в англо-саксонской кампании по поставке опиума в Поднебесную с ее последующей массовой наркотизацией, которые состоялись 200 лет назад.

8. Использование исторической и психологической конъюнктуры. Отбрасывание этических и правовых норм в управленческих войнах позволяет ведущим странам мира использовать исторические обстоятельства против своих менее удачливых противников. Рассмотрим указанный фактор войны более подробно на примере России и США.

Поражение СССР в холодной войне принципиально ослабило Россию, лишив ее многих стратегических преимуществ. Однако официально Вашингтону этого было недостаточно, и он продолжил давление на Россию с целью ее дальнейшего ослабления и расчленения. Такая политика США опиралась на важную, хотя и не универсальную, историческую закономерность, которую будем называть **Правилом 1**: стремление страны «довоевать» проигранные или «недовыигранные» войны ведет к повторению исходной диспозиции, но в ухудшившихся геополитических условиях (Евстафьев, 2024, с. 196). Например, Германия после проигранной Первой мировой войны пыталась ее «довыиграть», начав Вторую мировую войну. Однако ситуация принципиально ухудшилась — теперь ей активно противостояли резко усилившиеся США (вместо их вялого и короткого участия в Первой мировой) и консолидированный и индустриализированный СССР (вместо аграрной Российской империи с деградирующей государственностью в Первой мировой). Не удивительно, что для Германии эта война стала роковой. Примерно то же самое происходит сейчас с Россией — она вынуждена отстаивать свой политический суверенитет после поражения в Третьей мировой войне в радикально ухудшившихся геополитических условиях — она лишена огромных ресурсов (по сравнению с СССР

¹³ См.: <https://www.rbc.ru/politics/17/04/2024/661fc75e9a794736343f365b?ysclid=m6f39e3hdc804562181>

она потеряла 30% территории и более 50% населения, а также утратила многие наукоемкие отрасли экономики) и ей противостоит больше стран-противников (практически все страны Европы, часть из которых во время Третьей мировой находилась под патронажем СССР). Однако в отличие от Германии, которая стремилась к геополитической гегемонии во время Второй мировой войны, Россия вынужденно вступила в Четвертую мировую для сохранения своего суверенитета. Такое использование исторического преимущества и политической конъюнктуры Вашингтоном является одним из современных инструментов глобальной управленческой войны.

Помимо всего прочего логика геополитического противостояния имеет глубинные эволюционные (биологические) основания, для уяснения которых обратимся к мирмекологии. Так, оплодотворенные матки муравьев подвергаются постоянному риску быть убитыми муравьями другой семьи, в связи с чем они объединяются в группу по 10–15 особей для совместной защиты; когда же муравьи их приплода взрослеют, то они безжалостно уничтожают лишних самок одну за другой, растягивая их за ноги и жала до смерти, пока не останется только одна из них, самая плодовитая (Уилсон, 2022, с. 73). Отсюда вытекает биологический принцип: материнская структура уничтожается собственными потомками, если она уступает другой более эффективной структуре. Этот принцип может быть спроецирован на геополитическую систему, превращаясь в Правило 2: в доминируемых странах (Гершенкрон, 2015), проигрывающих глобальную конкуренцию государству-гегемону, собственные элиты и население зачастую способствуют его крушению в пользу государства-гегемона. Именно с этой проблемой столкнулась Россия при старте СВО, когда в стране обозначился широкий слой политической оппозиции и «пятой колонны» как в бизнес-элите, так среди политиков, простого населения, научного сообщества и работников культуры. Поднимая ставки на Украине, США используют в свою пользу глубинные биологические и психологические закономерности глобальной конкуренции и тем самым закрепляют асимметрию в поведении политических классов США и России: в первой — агрессивную, бескомпро-

миссную и во многом безответственную модель противостояния, во второй — излишне осторожную, осмотрительную и чрезмерно ответственную. Это обстоятельство может даже не осознаваться населением и лицами, принимающими решения, однако оно подстегивает их к вполне определенной линии поведения.

Таким образом, управленческая война опирается на весь спектр имеющихся научных знаний, включая неявные знания из смежных наук¹⁴.

Управленческие войны и управленческие циклы

Рокировка метрополий и колоний, периодически происходящая в мирохозяйственной системе, связана с глубокими изменениями в ходе управленческих войн. Совершенно очевидно, что колониальные циклы не состоялись бы, если бы они не были подкреплены своеобразными управленческими циклами. В данном случае речь идет о том, что эффективность системы управления разных государств не является константой, а подвержена крайне сильным колебаниям. Например, к началу Первой мировой войны Российская империя подошла с крайне неэффективной системой государственного управления. Фактически правящий класс страны не имел ясного представления о том, в чем заключалась глобальная война, каковы ее правила и законы, в чем сущностные интересы России, какими должны быть ее стратегические цели и задачи (Нольде, 2024). Однако после создания СССР началось реформирование системы управления государством и на протяжении 50 лет своего существования страна имела систему управления не хуже, а может быть, и лучше, чем у Соединенных Штатов. В противном случае не было бы тех фантастических достижений, которые демонстрировала страна со столь низким стартом. Впоследствии ситуация снова кардинально изменилась — система управления СССР пошла по пути усиления бюрократии и формализма на фоне переполнения неквалифицированными управленцами всех уровней системы. Как результат — проигранная холодная война.

¹⁴ Более подробное рассмотрение психологических факторов ведения управленческих войн не входит в задачи статьи, хотя и представляет самостоятельный интерес.

Помимо рокировок в уровне эффективности управления внутри страны можно наблюдать аналогичные процессы между разными государствами. Так, на наших глазах происходит формирование очередного управленческого цикла, когда китайская система управления начинает превосходить американскую. Хотя простой замер здесь невозможен, но имеется множество косвенных фактов, говорящих об этом. Если в США увеличивается число техногенных катастроф, а крушения поездов становятся почти нормой, то Китай создал поистине небывалую инфраструктуру, которая привлекает туристов со всего мира для лицезрения чудес современного строительства. Тот факт, что китайская компания *Broad Sustainable Building* в состоянии за 2 недели построить 30-этажный небоскреб с сейсмоустойчивостью в 9 баллов по шкале Рихтера¹⁵, говорит, прежде всего, о высокой культуре корпоративного управления. Нечто похожее наблюдаем, когда, например, китайские специалисты построили многоэтажный отель «под ключ» за 2 дня¹⁶. Еще больше впечатляет такой китайский проект, как перестройка и расширение железнодорожного вокзала города Сиань в провинции Шэньси на северо-западе Китая, для чего потребовалось 9 часов и 1,5 тыс. рабочих; масштабная модернизация проводилась в преддверии транспортного бума до, во время и после праздника Весны — Китайского Нового года¹⁷. Совершенно очевидно, что такие работы связаны прежде всего с тщательнейшим планированием всех деталей реконструкции, что лишний раз свидетельствует о качественно новом уровне управления в Китае. Подобных примеров можно привести почти бесконечное число, тогда как США такие результаты уже давно не демонстрируют.

К числу управленческих циклов можно отнести и феномен опиумных войн, которые уже упоминались ранее. Если в XIX веке европейские колонисты в содружестве с дельцами из США были способны навязать Китаю массовое потребление опиатов с последующей полуторавековой деградацией страны, то в XXI

веке Поднебесная возвращает Америке свой долг, провоцируя фентаниловый кризис среди американского населения. Если 200 лет назад китайская система управления оказалась неспособна воспрепятствовать негативным «вбросам» мировой торговли, то теперь в этом состоянии оказалась американская система управления.

Есть и более очевидные примеры макроэкономического толка в отношении совершившейся рокировки США/Китай. Например, экзогенное бедствие в виде коронавирусной эпидемии 2020–2021 гг. вызвало совершенно разные результаты в двух названных странах: в США в 2020 году производство упало на 3%, а в Китае возросло на 2%; в США в 2020–2021 гг. продолжительность жизни населения сократилась на 2,8 года и достигла 76 лет, а в Китае она увеличилась до 78 лет; в США смертность в этот период возросла на 25%, т. е. на миллион избыточных смертей относительно тренда, а в Китае не изменилась (Попов, 2025). Эффективность государственной машины КНР и маневренность ее экономики также продемонстрировали свои возможности: производство защитных масок в стране увеличилось с 15 млн в день в начале февраля 2020 года до 100 млн в день к концу того же месяца; 3 тыс. китайских предприятий, ранее не имевших отношения к товарам для здоровья, начали выпуск масок, защитных костюмов, санитайзеров и других товаров гигиены (Попов, 2025). Все это лишний раз демонстрирует, что эффективность государственного управления в Поднебесной уже намного выше, чем в США.

Таким образом, в сфере управления наблюдаются свои циклы, обусловленные конкуренцией между государствами и ведением бескомпромиссных управленческих войн.

Методологические выводы: пять уровней социальных явлений

Наличие рокировок доминирующих государств и управленческих войн свидетельствует в первую очередь о невозможности вечной гегемонии какой-либо империи. Круговорот лидеров и аутсайдеров происходит вопреки всем действиям, направленным на воспрепятствование этому процессу. Неудивительно, что в ходе подобных перестановок возникают цивилизационные риски и военные столкновения.

¹⁵ См.: <https://fishki.net/2821930-beshenaja-strojka-v-kitae-postroili-30-jetazhnyj-otely-za-2-nedeli.html>

¹⁶ См.: <https://yandex.ru/video/preview/16236185488196857702>

¹⁷ См.: <https://gudok.ru/news/?ID=1450028>

Однако история показывает, что это никого не пугает. Как справедливо писал Мишель Уэльбек, «мы рискуем проиграть только те экономические войны, вступить в которые нам не хватает смелости» (Уэльбек, 2023, с. 521). Судя по всему, у России, Ирана, Китая, Индии и Северной Кореи достаточно смелости, чтобы претендовать на нечто большее, чем то, что им отмерено нынешним гегемоном — Соединенными Штатами Америки.

Другое важное следствие рассмотренных управленческих войн состоит в новом понимании иерархии как самих социальных процессов, так и описывающих их социальных концепций.

Исходя из планетарной логики, целесообразно рассматривать пять социальных уровней. Первый — *метауровень* — охватывает глобальные общепланетарные процессы, независимо от государственных границ. Это могут быть климатические эксцессы, массовые миграции населения, крупные природные и техногенные катастрофы и т. п. На втором — *мегауровне* — рассматривается геополитическое пространство со всеми государствами, находящимися в сложных взаимодействиях. Это технологические, патентные, торговые, валютные, военные и прочие войны и союзы. Третий — *макроуровень* — охватывает национальное хозяйство и вопросы, связанные с регулированием его активности и сбалансированности. Это традиционные монетарная, налогово-бюджетная и валютная политика и т. п. В зоне внимания четвертого — *мезоуровня* — находятся крупные отраслевые и региональные подсистемы национального хозяйства. Это прерогатива региональной политики, межбюджетных отношений, свободных экономических зон, технологических и социальных приоритетов. Пятый — *микроуровень* — распространяется на отдельные хозяйствующие субъекты от индивидуумов и домохозяйств до крупных корпораций. На этом уровне вырабатывается семейная и корпоративная политика с учетом конкуренции и сотрудничества с остальными участниками рынка.

Описанные уровни не представляют из себя ничего нового, однако, по нашему мнению, новый взгляд на них состоит в характере их иерархии. Например, еще в 40-х годах прошлого века британский историк Арнольд Тойнби писал:

«Одним из кардинальных положений моей теории была мысль о том, что наименьшей ячейкой умопостигаемого поля исторического исследования должно служить целое общество, а не случайные изолированные фрагменты его вроде национальных государств...» (Тойнби, 2011, с. 17). Иными словами, нельзя адекватно понять историю одной страны или народа, не понимая всей мировой истории, в контекст которой вписывались соответствующие страны и народы. Данное положение было перенесено с изучения исторической *ретроспективы* на прогнозирование будущей *перспективы*, что дает следующую формулу: нельзя сделать качественный прогноз развития отдельной страны, не имея представления о будущем развитии всего мира (Балацкий, Екимова, 2021). Однако макроэкономика перевернула это положение: согласно традиционной экономической теории, все системные движения начинаются снизу — на микроуровне, распространяясь дальше и преломляясь в более масштабные события на более высоких социальных уровнях. Например, еще в 1980-х годах действовала следующая исследовательская парадигма: «Методология исследования состоит в том, чтобы из принципов сочетания микро- и макроподходов оценить основные показатели совокупного спроса»; «любое макроэкономическое построение может быть ошибочным, если оно не «подкреплено» моделью фирмы, функционирующей в условиях несовершенной конкуренции» (Вейцман, 1989, с. 1044). Следовательно, именно из микроуровня, активности и дееспособности экономических агентов вырастают другие уровни, вплоть до могущественного государства. Сами же государства конкурируют друг с другом с помощью более или менее эффективной макроэкономической политики, которая и позволяет одним вырваться вперед, а другим сулит отставание.

Однако в XXI веке макроэкономический взгляд на мир оказывается безнадежно устаревшим. Иерархия связей между уровнями становится прямо противоположной. Так, глобальные планетарные явления, т. е. явления метауровня, порождают сам процесс возникновения древних государств, империй и цивилизаций во вполне определенном географическом ареале — в «счастливых широтах» (Сакс, 2022);

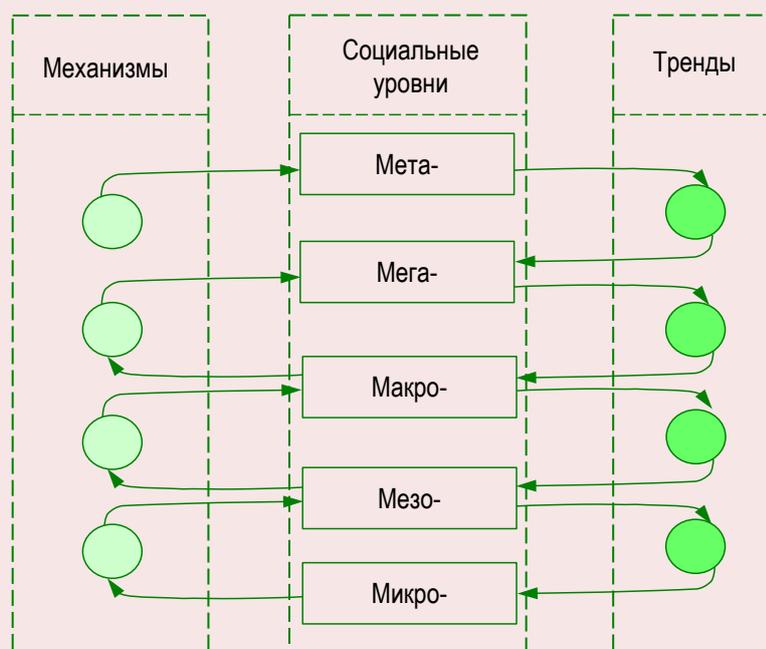
тем самым формируется поведенческая основа для следующего социального уровня. Геополитические противостояния государств, т. е. процессы мегауровня, приводят к возникновению метрополий и колоний, когда развитие последних искусственно сдерживается. Подчиненное (неоколониальное) положение страны приводит к вынужденному следованию ее макрополитики тем рекомендациям, которые выгодны государству-гегемону и зачастую губительны для местной экономики. И, наконец, неэффективная и даже неадекватная макрополитика не позволяет появиться и развиваться национальным фирмам и компаниям, собственным рынкам инноваций и традициям предпринимательства.

Таким образом, в глобальном мире иерархическое правило формулируется следующим образом: *высшие уровни определяют вектор развития низших*. С философско-теоретической точки зрения данный принцип является проекцией закона синархии (Шмаков, 2016). В этом контексте становится очевидной беспочвенность попыток зависимого государства, находящегося под неоколониальным давлением с

подконтрольной системой управления, найти правильную макроэкономическую политику, обеспечивающую ему динамичное развитие. Именно это обстоятельство генерирует наблюдаемый нами в последние годы парад суверенитетов, когда все большее число стран делает попытки выйти из-под прямого и косвенного контроля доминирующего центра – США.

Разумеется, новый взгляд не отрицает старую иерархию, а дополняет ее так, как это представлено на *рисунке*. Как это и должно быть в любой кибернетической системе, имеется прямая и обратная связь между социальными уровнями. Однако новое понимание делает акцент на прямой связи между более высоким уровнем и более низким, которая задает *тренды* развития низового звена, обусловленные потребностями верхнего уровня. Одновременно с этим обратная связь между более низким уровнем и более высоким создает *механизмы* формирования высшего звена, конкретную социальную механику объединения активных элементов в более глобальную систему. Сами же эти механизмы оказываются уже predeterminedены потребностями высшего уровня.

Сопряжение социальных уровней

Иерархия, отраженная на рисунке, соответствует современным междисциплинарным представлениям. Для этого достаточно напомнить представления Эдварда Уилсона о соотношении дисциплины и «антидисциплины»: для некоей дисциплины (науки) в качестве антидисциплины выступает наука с более общим объектом и принципами исследования. Так, физика служит антидисциплиной для химии, химия — для биологии, биология — для социальных наук (Уилсон, 2015, с. 37).

Действительно, сначала человек должен быть в состоянии вообще жить на Земле, после решения этой задачи возникает потребность распределения геополитического пространства на отдельные государства, а когда обособлено национальное государство, то возникает необходимость наладить взаимодействие между его регионами, а для этого следует обеспечить некие организационные модели домохозяйств и компаний. В свою очередь конкретные модели функционирования домохозяйств и компаний определяют степень успешности освоения фрагментов государства, их взаимодействия и т. д., вплоть до формирования определенной модели выживания всего человечества.

Хотя сказанное может казаться крайне простым и банальным, до сих пор в экономической науке доминирует представление, что все творческие импульсы генерируются на уровне индивидуума, а потом они просто агрегируются на более высоких уровнях. Такие представления продуцируют бесплодные споры о приоритете индивидуального и коллективного. Схема на рисунке снимает это противостояние и составляет все на свои места.

Ошибочное представление о том, что нижние уровни предопределяют верхние, порождает искаженную картину экономического развития государств. Например, удачи и неудачи разных стран объясняются сугубо культурными или институциональными различиями. Типичным примером служат Южная Корея и Северная Корея. Однако в основе расхождения путей этих стран прежде всего стоит их вхождение в разные геополитические альянсы. В настоящее время есть все основания избавиться от подобных когнитивных искажений.

Заключение

Таким образом, кристаллизация в современном мире такого явления, как управленческие

войны, позволяет не только ввести в обращение это понятие, но и по-новому посмотреть на многие вопросы.

Суть доктрины управленческих войн состоит в максимальном укреплении собственной системы управления и в критическом ослаблении системы государственного управления противника, когда все звенья государственного организма перестают эффективно работать и справляться со своими задачами. Специфика управленческих войн состоит в их беспрецедентной тотальности, продолжительности и бескомпромиссности. Эти свойства позволили США сокрушить своего геополитического соперника — СССР — без прямого военного столкновения. Непосредственным результатом поражения в холодной (управленческой) войне стала утрата Россией всех стратегических преимуществ, характерных для СССР.

Ядром доктрины управленческих войн выступает структурная модель глобального доминирования, в которой власть зависит от жесткой, мягкой и умной силы. Набор инструментов и алгоритмов современных управленческих войн довольно разнообразен: продвижение собственной идеологии; работа с местными элитами; синдром масок и конспирации в политических элитах; контроль над информационным пространством; цветные революции; прокси-войны; разрушение медицинского суверенитета. Правильное манипулирование этими инструментами позволяет США удерживать глобальное доминирование. Вместе с тем наличие управленческих циклов, под которыми понимается колебание уровня эффективности системы государственного управления, выводит на передний край мировой политики новые страны, в частности Китай.

Наличие пяти уровней социальных явлений: мета-, мега-, макро-, мезо- и микро- — предполагает их двустороннюю иерархию, т. к. процессы более высокого уровня определяют вектор развития процессов более низкого уровня; процессы более низкого уровня формируют механизмы реализации процессов более высокого уровня. В современных условиях эта парадигма приобретает особое значение, препятствуя формированию искаженных когнитивных паттернов в отношении движущих сил развития государств.

Литература

- Алаудинов А. (2024a). Гибридная война нового типа как угроза национальной безопасности Российской Федерации // *Международная жизнь*. № 7.
- Алаудинов А. (2024b). Подходы США и Китая к ведению гибридных войн // *Международная жизнь*. № 11.
- Арзуманян Р. (2008). Теория и принципы сетевых войн и операций // *21-й век*. № 2 (8). С. 66–127.
- Балацкий Е.В. (2006). Глобальные институциональные ловушки: сущность и специфика // *Мировая экономика и международные отношения*. № 9. С. 102–107.
- Балацкий Е.В. (2021). Принцип согласованности в теории социального развития // *Terra Economicus*. Т. 19. № 1. С. 36–52.
- Балацкий Е.В. (2024). Американская модель глобального доминирования // *Terra Economicus*. Т. 22. № 2. С. 6–31.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2021). Инструменты государственного управления: прогнозирование vs проектирование // *Управленец*. Т. 12. № 1. С. 18–31.
- Бжезинский Зб. (2007). Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. Москва: *Международные отношения*. 240 с.
- Бухгайт Г. (2024). Абвер. История военной разведки. Москва: Эксмо; Яуза. 448 с.
- Вейцман М.Л. (1989). Простая макроэкономическая теория участия в прибылях // *Экономика и математические методы*. Т. 25. № 6. С. 1004–1021.
- Винер Н.Л. (1968). Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. Москва: Советское радио. 328 с.
- Вольчик В.В. (2023). Недостоверные нарративы в контексте институциональных изменений // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 53–67.
- Волконский В.А. (2024). К вопросу об идеологиях и их носителях // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 17. № 1. С. 41–59.
- Гершенкрон А. (2015). Экономическая отсталость в исторической перспективе. Москва: Дело. 535 с.
- Гусев А.Б., Худокормов Г.А. (2024). Медицинский суверенитет России: проблема зависимости отечественных элит от терапии за рубежом // *Journal of Economic Regulation*. Т. 15. № 3. С. 75–88.
- Гусев А.Б., Юревич М.А. (2023). Фармацевтический суверенитет России: проблемы и пути достижения // *Terra Economicus*. Т. 21. № 3. С. 17–31.
- Девятков А.П. (2020). Разведка будущего как искусство образов и подобий. Москва: ИП Соколова А.А. 276 с.
- Евстафьев Д.Г. (2024). Стратегия «большой игры». Россия и США в Новом Мире. Москва: Концептуал. 320 с.
- Лебедева М.М. (2017). «Мягкая сила»: понятие и подходы // *Вестник МГИМО-Университета*. Т. 3 (54). С. 212–223.
- Лукьянович Н.В., Сильвестров С.Н. (2023). Стратегия непрямых действий во внешней политике США // *Мир новой экономики*. Т. 17. № 3. С. 18–31.
- Нольде Б.Э. (2024). Россия в экономической войне. Москва: Издательство Института Гайдара. 380 с.
- Перкинс Дж. (2005). Исповедь экономического убийцы. Москва: Pretext. 319 с.
- Попов В.В. (2025). Китайская модель. Почему Китай раньше отставал от Запада, а теперь его обгоняет. Москва: Fortis Press. 392 с.
- Сакс Дж. (2022). Эпохи глобализации: география, технологии и институты. Москва: Издательство Института Гайдара. 368 с.
- Сивков К., Соколов К. (2023). Гибридная война. Москва: Наше завтра. 280 с.
- Сондерс Ф.С. (2020). ЦРУ и мир искусств. Культурный фронт холодной войны. Москва: Кучково поле. 416 с.
- Сунь-цзы (1950). Искусство войны. Москва – Ленинград: Изд-во АН СССР. 404 с.
- Талей Н.Н. (2018). Рискя собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни. Москва: КоЛибри; Азбука-Аттикус. 384 с.
- Тойнби А.Дж. (2011). Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. Москва: АСТ, Астрель. 318 с.
- Уилсон Э.О. (2015). О природе человека. Москва: Кучково поле. 352 с.

- Уилсон Э.О. (2022). Планета муравьев. Москва: Альпина нонфикшн. 211 с.
- Уэльбек М. (2023). Уничтожить: роман. Москва: Издательство АСТ, CORPUS. 640 с.
- Фукуяма Ф. (2006). Доверие. Москва: АСТ. 737 с.
- Худокормов Г.А. (2024). Гибридные войны как новое явление в глобальном мире // *Journal of Economic Regulation*. Т. 15. № 3. С. 40–51.
- Чанышева З.З. (2023). Прагмалингвистическая картина прокси-войн в геополитических конфликтах // *Политическая лингвистика*. № 5 (101). С. 48–56.
- Шеховцов М.В. (2024). Субъективизация и управление развитием России. Москва: Грифон. 200 с.
- Шмаков В. (2016). Закон синархии и учение о двойственной иерархии монад и множеств. Москва: София. 320 с.
- Balassa B. (1964). The purchasing-power parity doctrine: A reappraisal. *Journal of Political Economy*, 72(6), 584–596.
- Balatsky E., Yurevich M. (2022). Consistency principle: Theory and empirical evidence. *Foresight and STI Governance*, 16(3), 35–48.
- Balatsky E.V. (2022). Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: Accumulation of global contradictions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 42–59.
- Balatsky E.V. (2024). The phenomenon of strategic advantages in the 21st century. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(4), 39–57.
- Cebrowski A.K., Garstka J.H. (1988). Network-centric warfare: Its origin and future. *United States Naval Institute Proceedings*, 124(1), 139–148.
- Kazantsev S.V. (2024). Development resources of the border regions of the Russian Federation. *Upravlencheskie nauki=Management Sciences*, 14(2), 23–38.
- Kuznets S. (1973). Modern economic growth: Findings and reflections. *The American Economic Review*, 63(3), 247–258.
- Sapir J. (2022). Assessing the Russian and Chinese economies geostrategically. *American Affairs*, 6(4), 81–86.
- Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.P. (2009). *Report of the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/8131721/8131772/Stiglitz-Sen-Fitoussi-Commission-report.pdf>

Сведения об авторе

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Российская Федерация, 117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; e-mail: EVBalatsky@imemo.ru)

Balatsky E.V.

Global Governance Wars: Genesis, Specifics and Significance

Abstract. The modern era of political confrontation in the second half of the 20th –first half of the 21st century is characterized by the transition to the doctrine of global governance wars between conflicting States. The essence of this doctrine is to strengthen one’s own governance system as much as possible and critically weaken the enemy’s public administration system so that all the links of the state body cease to work effectively and cope with their tasks. The paper reveals the significance of governance wars on the example of the collapse of the USSR, which occurred without any direct military clash, but led to the loss of all strategic advantages for the Russian Federation, its successor. We put forward a structural model of global dominance, according to which governance depends on hard, soft, and smart power; we show that this understanding comes from generalizing J. Nye’s concept of soft power. We define the specifics of governance wars: long duration, all-encompassing and uncompromising nature. The following tools and algorithms of modern governance wars are considered: promotion of own ideology; working with

local elites; masks syndrome and conspiracy in political elites; control over the information space; color revolutions; proxy wars; destruction of medical sovereignty. We reveal the relationship between governance wars and governance cycles that imply fluctuations in the effectiveness of public administration system both within one country and between countries. We consider five levels of social phenomena: meta, mega, macro, meso and micro levels, and substantiate their two-way hierarchy, when higher-level processes determine the development vector for lower-level processes, and lower-level processes form the mechanisms for implementing higher-level processes. We show that in modern conditions this paradigm is gaining importance, preventing the formation of distorted cognitive patterns in relation to the driving forces of national development.

Key words: governance wars, USA, USSR, indirect action strategy, hybrid warfare, soft power, smart power.

Information about the Author

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (23, Profsoyuznaya Street, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: EVBalatsky@imemo.ru)

Статья поступила 17.12.2024.